

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыхъ при журналѣ „Отдыхъ Христіанина“

(С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. № 116).

Цѣна „Извѣстій“ вмѣстѣ съ „Отдыхомъ Христіанина“ 5 руб.

Отдѣльно на „Извѣстія“ подписка не принимается.

№ 9.

15-го мая.

1907 г.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія награды.

Исполняющій обязанности завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ сакелларій собора Императорскаго Зимняго дворца, протоіерей Петръ **Благовѣщенскій**, настоятель церкви дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и протоіерей Георгій **Титовъ** сопричислены къ ордену св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Утверждены: 13 мая — священникъ Гавсарской церкви, Новолодожскаго у., **Теодоръ Листовъ** — предсѣдателемъ мѣстнаго попечительства; священникъ Городенской церкви, Лужскаго у., **Іоаннъ Добряковъ** — предсѣдателемъ мѣстнаго попечительства.

Опредѣленъ: 1 мая — окончившій курсъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета **Сергѣй Соболевъ** — на вакансію священника въ Бѣльскій погостъ, Гдовскаго у.

Награжденъ: 1 мая — священникъ состоящаго въ вѣдѣніи Спб. Іоанновскаго женскаго монастыря Вауловскаго скита въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Ярославской епархіи, **Михаилъ Срѣтенскій** — набедренникомъ.

Перемѣщены: 25 апрѣля — священники церкви: при С.-Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія Вячеславъ **Силинъ** и с. Ульянки, С.-Петербургскаго у., **Александръ Флеровъ** — одинъ на мѣсто другого, согласно ихъ прошеніямъ; 3 мая — священники: Сестрорѣцкой церкви **Александръ Красовъ** и церкви въ поселкѣ „Подобѣдовка“ **Сергій Дремяцкій** — одинъ на мѣсто другого, согласно прошеніямъ.

Уволенъ: 1 мая — священникъ с. Василькова, Новоладожскаго у., **Михаилъ Паозерскій** — отъ занимаемой должности, согласно прошенію.

Уволены въ отпускъ: настоятель православной церкви при Миссіи въ Аѳинахъ архимандритъ **Леонтій** и діаконъ той же церкви **Іоаннъ Щелкуновъ** — на лѣтніе мѣсяцы; діаконъ с. Вартемягъ, С.-Петербургскаго у., **Михаилъ Балаба** — съ 4 мая по 1 августа; діаконъ Троицкаго на Петербургской сторонѣ собора **Петръ Ребезовъ** — съ 15 мая по 1 сентября.

Умершій: священникъ церкви пригороднаго с. Смоленскаго, С.-Петербургскаго у., **Александръ Ильинскій** — 25 апрѣля.

Симъ объявляется духовенству соборовъ и церковей гор. С.-Петербурга, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено состоящему въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества приюту для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей имени Д. Н. Замятнина произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ пожертвованій въ текущемъ году въ праздничный день 6 декабря за литургіями и накануне сего дня, за всенощными. Мая 1 дня 1907 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Отъ редакціи.

Редакція „Извѣстій по СПБ. Епархіи“ не въ первый уже разъ обращается къ духовенству и вообще къ своимъ читателямъ съ призывомъ помочь ей оживить и освѣжить нашъ Епархіальный органъ печати. Время, переживаемое нами, критическое и переходное. На нашихъ глазахъ рушится „обдержный“ бытъ Руси. Онъ, словно песчаная гора, ползетъ и скатывается внизъ отъ дѣйствія на него вѣсныхъ водъ. Въ такое время всего опаснѣе *неразумная* ломка стараго и хорошаго строенія. Тутъ особенно надо бояться того, какъ бы завѣтныя нажитыя понятія не замѣнить новыми неprovѣренными и непродуманными...

Вотъ въ такую-то переходную годину редакція и обращается съ покорнѣйшей просьбой къ духовенству Епархіи съ призывомъ: — отцы и братія, отзовитесь! Дайте редакціи замѣтокъ, фактовъ изъ народной церковно-религіозной жизни, какъ можно больше фактовъ, — которые бы характеризовали духовный міръ народа нашего. Пишите про то, отъ чего страдаютъ и разлагаются православные при-

ходы; обрисуйте, къ чему стремятся христіане наши, чего они ждутъ отъ „новыхъ временъ?“

Равнымъ образомъ помогите редакціи на почвѣ фактовъ установить истинную цѣну, „освободительнымъ“ реформамъ нашимъ. Только ради Бога излагайте деревенскія, городскія и всякія другія событія въ зависимости отъ ихъ дѣйствительной природы, а не на основаніи предвзятыхъ теорій, симпатій и антипатій. Иначе мы не выберемъ изъ лабиринта противорѣчій. Иначе мы бесполезно станемъ спорить, положимъ, о томъ, — для Церкви нашей свобода, дарованная расколо-сектантамъ, оказывается полезною, или вредною? А относительная свобода печати внесла-ли въ народъ „тлетворныя“ понятія? Если внесла, то какія? И какъ нынѣ духовенство побораетъ за чистоту православнаго вѣроученія?

При этомъ редакція не требуетъ статей непременно обработанныхъ. Пишите, отцы и братья, кто какъ умѣетъ, кому какъ позволяютъ обстоятельства. Только — чтобы *правдиво*, жизненно, не по чужой указкѣ. Въ редакціи есть люди, которые несовершенное исправятъ, и используютъ для журнала самыя летучія замѣтки. Лишь бы въ нихъ была жизнь; былъ смыслъ и общецерковное значеніе...

Отзовитесь - же, отцы и братія! „Извѣстія“ — нашъ Епархіальный органъ. Пусть же онъ отражаетъ *религиозно-бытовую* жизнь въ нашей Епархіи всесторонне, правдиво и картинно...

„Иного житія начало“.

На третій день св. Пасхи Александро-Невское Общество трезвости праздновало свой праздникъ, и какъ праздновало!..

Общество существуетъ девятый годъ. Оно вызвано къ жизни извѣстнымъ покойнымъ народнымъ пастыремъ о. Александромъ Рождественскимъ.

Въ настоящее время Общество насчитываетъ свыше 70.000 членовъ въ одномъ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ; съ членами же, живущими по разнымъ мѣстамъ Россіи и за границей, составъ Александро-Невскаго Общества трезвости численностию своею доходитъ до колоссальной цифры: 100.000.

Изъ числа всѣхъ этихъ трезвенниковъ избираются наиболѣе ревностные борцы противъ пьянства, обязанные своимъ добрымъ примѣромъ и кроткимъ словомъ назиданія поддерживать строгое соблюденіе членами даннаго ими обѣта абсолютной трезвости на извѣстный срокъ: 3, 6, 9, 12 мѣсяцевъ и на всю жизнь. Эти избранники называются „выборными членами“. Всѣхъ выборныхъ членовъ въ настоящее время около 400 человекъ, въ числѣ которыхъ до 50 женщинъ.

Общество имѣетъ въ С.-Петербургѣ пять отдѣленій: Путиловское, Василеостровское, Литейное, Охтенское и Петербургское; въ окрестностяхъ столицы: Царскосельское, Ораніенбаумское, Кронштадтское, Мартышкинское и Сергіевское.

При каждомъ отдѣленіи имѣются помѣщенія для богослуженій, бесѣдъ и чтеній со свѣтовыми картинами, которыя и ведутся священниками и другими ревнителями трезвости нѣсколько разъ въ недѣлю; здѣсь учреждены библіотечки-читальни для трезвенниковъ, а при нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ мастерскія и школки грамоты для дѣтей трезвенниковъ. Главное зало каждаго отдѣленія иждивеніемъ мѣстныхъ богомольцевъ-посвѣтителей богато украшено иконами въ дорогихъ кіотахъ, хоругвями и др. церк. утварью.

Наканунѣ св. Пасхи главной конторой Общества (Обводной кан., 116) было заготовлено до ста тысячъ печатныхъ повѣстокъ о времени и порядкѣ крестнаго хода въ Александро-Невскую лавру; повѣстки были вручены выборнымъ членамъ, а эти послѣдніе поспѣшили разнести ихъ по квартирамъ всѣхъ трезвенниковъ.

Нужно при этомъ замѣтить, что у Общества установилась традиція ежегодно устраивать три крестныхъ хода-паломничества: на 3-й день св. Пасхи— въ Александро-Невскую лавру къ мощамъ своего покровителя св. бл. кн. Александра Невского, около св. Троицы — въ Троице-Сергіеву пустынь и среди лѣта—въ Валаамскій монастырь. Эти паломничества значительно поднимаютъ духъ трезвенниковъ, подкрѣпляютъ ихъ въ несеніи добровольно принятаго на себя христіанскаго подвига и надолго закрѣпляютъ въ памяти всѣ святыя впечатлѣнія и настроенія.

Въ 5¹/₂ час. утра 24-го апрѣля „у Варшавки“ загудѣлъ тысячепудовый колоколъ трезвенниковъ, име-

нуемый: „Отець Александръ“, не такъ давно поднятый на колокольню великолѣпнаго, заканчивающагося постройкою, каменнаго храма во имя Воскресенія Христова. Это — благовѣсть къ ранней обѣднѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — сигналъ къ сбору трезвенниковъ на предстоящее торжество.

Обѣдню служилъ руководитель Общества отецъ Петръ Миртовъ; пѣли любители-пѣвчіе изъ трезвенниковъ. Не смотря на раннюю пору, церковь не вмѣщала молящихся.

Къ концу обѣдни волнами прибывавшій со всѣхъ сторонъ трезвый народъ образовалъ цѣлое море головъ, залившее и церковный дворъ, и переулокъ, и набережную Обводнаго канала.

Вотъ запѣлъ опять могучимъ низкимъ басомъ „Отець Александръ“. Къ нему одинъ за другимъ присоединились прочіе колокольчики... и пошли весело переливаться, наполняя сердца собирающихся трезвенниковъ неизъяснимою радостью.

— Это подходятъ путиловцы, — заговорили въ толпѣ и подняли головы по направленію къ Варшавскому вокзалу.

— Да, это они: вонъ ихъ святыни плывутъ поверхъ головъ и сверкаютъ на солнцѣ... Вонъ они сами—хоругвеносцы въ своихъ красивыхъ, блестящихъ кафтанахъ стройно шествуютъ съ хоругвями и крестами въ рукахъ... Допѣваютъ пасхальныя стихиры: „рцемъ: братіе! и ненавидящимъ насъ простимъ вся Воскресеніемъ... и тако возопіимъ“...

Тутъ словно накатилъ грандіозный морской при-

бой: тысячи голосовъ нестройно, но могуче потрясли воздухъ и заглушили переливный гулъ колоколовъ:

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!..

Толпа дрогнула и заволновалась, давая мѣсто влившейся въ нее сильной струѣ крестоносцевъ-путиловцевъ, которые прошли въ переулокъ и красиво, въ образцовомъ порядкѣ выстроили свои святыни противъ церкви.

Вслѣдъ за путиловцами стали подходить крестные хода изъ другихъ отдѣленій. Колокола безъ умолку гудѣли. Настроеніе густой многотысячной толпы трезвенниковъ все росло и росло...

Вотъ, наконецъ, мощною волною народъ хлынулъ изъ церкви. Показались хоругви. Вырвалось изъ дверей: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!.. и мощной волной раскатилось во всѣ стороны: „смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!..“

Крестный ходъ двинулся подъ гулъ колоколовъ и пѣніе толпы... Получился какой-то грандіозный, захватывающій шумъ... Чувствовалась какая-то непреодолимая мощь въ этомъ гулѣ и шумѣ колоколовъ и голосовъ, въ этомъ величавомъ движеніи народной массы, въ этихъ спокойныхъ или нѣсколько суровыхъ ликахъ святыхъ, колыхающихся поверхъ головъ несмѣтной толпы... а сверкающіе на солнцѣ кресты и развѣвающіяся красивыя хоругви, несомыя путиловскими хоругвеносцами въ нарядныхъ кафтанахъ съ серебряными кистями и бархатными перевязями, внушали благоговѣйный трепетъ и созна-

ніе величія той работы и той идеи, которой охвачены и скованы воедино всѣ эти торжествующіе люди...

Когда же крестный ходъ вышелъ на Невскій проспектъ, гдѣ къ внушительному шествію присоединились еще нѣсколько крестныхъ ходовъ — зрѣлище было поразительное и для Петербурга рѣдкостное!.. Представьте себѣ густую, но стройно шествующую массу восторженно настроеннаго поющаго народа, сплошь заполнившаго широкій и красивый проспектъ отъ Литейнаго проспекта до Знаменской площади и дальше; представьте себѣ неумолкаемый трезвонъ церковей на всемъ пути отъ Варшавскаго вокзала до Александро-Невской лавры, чудное солнечное утро, ослѣпительный блескъ крестовъ, образцовъ и хоругвей!..

На балконахъ, въ окнахъ многоэтажныхъ домовъ толпились обыватели съ лорнетами и биноклями въ рукахъ, пораженные и восхищенные необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Ясно всѣми чувствовалось и сознавалось, что тому врагу, противъ котораго шла эта грозная рать, не сдобровать, что для страшнаго, кровожаднаго чудовища, бича русской земли—Бахуса насталь если не конецъ, то часъ рѣшительной битвы; чувствовалось, что если бы такія ополченія поднялись и по другимъ городамъ нашей измучившейся родины, то господству пьянства на Руси былъ бы нанесенъ послѣдній роковой ударъ.

Во всякомъ случаѣ этимъ своимъ крестнымъ ходомъ Петербургскіе трезвенники несомнѣнно еще

разъ отпраздновали „иного житія начало“. Особенно, если принять въ соображеніе, что весь торжественный праздникъ трезвенниковъ прошелъ безъ содѣйствія полиціи и безъ малѣйшаго инцидента, не смотря на то, что въ празднествѣ принимало участіе около половины всего состава Общества трезвости, т. е. около 30—35 тысячъ трезвенниковъ.

Въ Александрo-Невской лаврѣ къ приходу трезвенниковъ началась божественная литургія, которую совершалъ самъ митрополитъ Антоній въ сослуженіи съ мѣстными архимандритами и многими прибывшими съ крестнымъ ходомъ протоіереями, священниками и діаконами—трезвенниками.

Передъ началомъ литургіи владыка-митрополитъ въ сопровожденіи духовенства вышелъ изъ храма и съ пѣніемъ пасхальныхъ пѣсней окадилъ всѣ принесенныя иконы и прочія святыни трезвенниковъ.

Литургію пѣлъ прекрасный хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ знаменитаго регента Тернова, при чемъ чудно были исполнены: Единородный Сыне... Херувимская, Милость мира... и вмѣсто запричастнаго стиха концертъ: „Да воскреснетъ Богъ“... А— „Вѣрую“ и „Отче нашъ“ громогласно пропѣла вся церковь.

Передъ концертомъ прот. о. Философъ Орнатскій произнесъ трезвенникамъ поученіе, въ которомъ онъ въ прочувствованныхъ словахъ обрисовалъ весь ужасъ пьяной жизни и всю спасительность—трезвой. Поученіе имѣло громадное вліяніе на слушателей; это было видно изъ того, что вся церковь

отъ начала до конца проповѣди слушала ее какъ бы съ затаеннымъ дыханіемъ; многіе трезвенники плакали. Когда проповѣдникъ въ заключеніе всего, возвысивъ голосъ, побѣдоносно воскликнулъ: Итакъ, братія, воистину мы нынѣ „смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало!“ — изъ груди тысячъ борцовъ-трезвенниковъ вырвался единодушный голосъ искренней благодарности:

— Спасибо, дорогой батюшка!

Послѣ литургіи владыка Митрополитъ, окруженный цѣлымъ сонмомъ духовенства, вышелъ къ ракъ покровителя Общества трезвости св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и здѣсь совершилъ торжественное молебствіе, закончившееся громовымъ многолѣтіемъ Государю Императору съ Царствующимъ Домомъ, Свят. Синоду съ его первенствующимъ членомъ и всѣмъ борцамъ и ревнителямъ трезвости.

Въ пѣніи молебна принимали участіе тысячи трезвенниковъ.

Въ 2 часа дня крестный ходъ такимъ же порядкомъ двинулся по главнымъ улицамъ столицы обратно.

Во второй половинѣ іюня трезвенники собираются путешествовать въ Валаамскій монастырь, а въ первыхъ числахъ августа — въ Троице-Сергіеву пустынь.

Славянскій.

Изъ бесѣды съ „ивановцами“.

(По дневнику миссіонера).

Бесѣда съ народомъ происходила на Выборгской сторонѣ, въ деревянномъ баракѣ при Иоанно-Предтеченской Церкви. Бесѣда шла мирно на дневное Евангельское чтеніе. Никто не возражалъ.

Въ концѣ бесѣды какая-то представительная женщина подала къ столу бумажку. Нацарапано — едва разобрать! Видно, что писала рука непривычная писать, — безграмотно, какъ попало, какъ пишетъ огромное большинство нашихъ крестьянъ и крестьянокъ.

Съ трудомъ разбираю написанное на бумажкѣ: „какъ намъ смотрѣть на брата Іоанна?“ Это *хотѣла* вывести каракулями чья-то рука.

— Ну, думаю, будетъ мнѣ баня! Очевидно, кто-то, искушая, даетъ мнѣ вопросъ. Кто-то *усиливается* снова поднять до общаго вниманія брата Ивана Чурикова. Какъ ни неприятно, а надо дѣло вести на чистоту...

Отвѣчаю съ оговоркой, что неохотно берусь говорить по содержанію бумажки. Не потому, что вопросъ трудный, а потому, что предметъ *недостаточный* для обсужденія его на публичной бесѣдѣ съ народомъ.

Меня кто-то, спрашиваетъ: „какъ намъ смотрѣть на брата Іоанна?“

Разумѣется, скажу я вамъ, смотрите на него глазами Церкви. А Церковь, опираясь на слова

Христовы, можетъ его считать для себя *только* сектантомъ...

— Что ты говоришь? прямо закричала подавшая бумажку женщина. Ты народъ мутишь и клевету наводишь на челоуѣка. Братца Іоанна считаешь за сектанта... Побойся ты Бога! Ты, явно, не знаешь его; а не знаешь—такъ слушай, что я тебѣ про него скажу. Жили мы съ мужемъ скверно. Дрались и пьянствовали, озорничали и безпутничали. Но Богъ привелъ насъ къ братцу. Онъ насъ протрезвилъ, примирилъ и въ Церковь наладилъ. Вотъ кто такой дорогой нашъ братецъ! А ты его въ сектанты произвелъ...

Женщина замолчала. Гнѣвными и воспаленными глазами смотрѣла она на меня.

Я переспросилъ ее:

— Такъ вы *пока* все сказали, что хотѣли для начала намъ сказать?

— Все. Послѣ и еще вставлю отвѣтъ на твои рѣчи.

— Хорошо. Слушайте же мой отвѣтъ. Вы рассказали намъ о томъ, какъ братецъ помирилъ васъ съ мужемъ и протрезвилъ васъ. Это прежде всего. Можно-ли *только* на основаніи этого сказать, что братецъ Іоаннъ—христіанинъ православный?

Нѣтъ. То-же самое про своихъ вожаковъ говорятъ *сектанты*—пашковцы. Вы не слыхали? Они именно такъ описываютъ свою жизнь въ православіи: „жили мы, какъ язычники, самые скверные, смердящіе грѣхами. Мы пьянствовали, блудили, воровали, матершинничали. Но Богъ пожалѣлъ насъ.

Онъ призвалъ насъ къ вѣрѣ во Христа,—и теперь мы наслаждаемся новою и святою жизнью“...

И если провѣрить признаніе говорящихъ, *такъ*,—окажется, что *по внѣшности* они описываютъ правду. Они, дѣйствительно, въ православіи жили дурно.—Что же, ужели *по этому только* пашковство мы не должны почитать сектой?

— Пашковцы—дѣло другое, зароптала женщина. Тѣ въ Церковь не ходятъ, а братецъ насъ въ Церковь посылаетъ...

— Вотъ это и дивно, сказалъ я. Братецъ людей налаживаетъ въ Церковь, а себя не въ состояніи воцерковить...

— Какъ такъ?

— Очень просто. Первосвятитель нашей Церкви Владыка Митрополить, во избѣжаніе соблазна для людей, *запретилъ* вашему братцу учить народъ. Если бы братецъ былъ строго-православнымъ сыномъ Церкви, онъ обязанъ бы былъ послушаться своего Архипастыря. Онъ долженъ бы былъ убоиться суда Христова, помня, что преслушаніе воли преемниковъ Апостольскихъ есть грѣхъ тяжкій (Мѡ. X, 14—15). Такое преслушаніе, въ сущности, есть *раздоръ* съ Церковью, представителемъ которой является нашъ владыка Митрополить. А о раздорникахъ церковныхъ вотъ что сказалъ Господь нашъ: „если кто Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. XVIII, 17).

Кого тутъ, въ словахъ Христовыхъ слѣдуетъ разумѣть подъ Церковью?

Святые отцы разумѣютъ *пастырей* церковныхъ, съ чѣмъ *обязаны* согласиться и вы. А если такъ, братецъ вашъ, какъ ослушникъ запрещенія митрополчьяго, для насъ выступаетъ именно въ обстановкѣ *сектанта*...

— Нѣтъ, братецъ—не сектантъ, упрямо твердила женщина.

— Если не сектантъ, какъ онъ осмѣливается безъ благословенія Владыки учить народъ? Кто его послалъ на это дѣло?

— Богъ.

— Гдѣ же и когда? задалъ я снова вопросъ.

Женщина растерянно замолчала. Въ народѣ слышался смѣхъ. Я успокоилъ слушателей и сказалъ:

— Вотъ и опять вы разсуждаете по сектантски. Это вѣдь сектанты твердятъ, что ихъ учить посылаетъ Богъ, — посылаетъ невидимо, таинственно. Но это—выдумка. Апостоловъ Христосъ *видимо* посылалъ проповѣдывать Евангеліе (Мѡ. X гл. и др.). Такое же *видимое* посланничество должны имѣть всѣ правильные учителя въ Церкви. И это согласно съ Апостоломъ, который написалъ: „*какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы*“ учителя (Рим. X, 15)?

Кто же послалъ на дѣло благовѣстія вашего брата? поставилъ я опять вопросъ.

Но на этотъ вопросъ „братцы“, очевидно, подготавливали въ отвѣтъ святоподобіе. О томъ знала женщина. И она мнѣ сказала:

— А кто послалъ Св. Нину въ Грузію Христа

проповѣдывать? Богъ? Вотъ также Богъ посылаетъ къ намъ братца. Мы вѣдь еще хуже язычниковъ стали...

Я возразилъ:

— Пусть и вашего братца Богъ послалъ на проповѣдь. Но на проповѣдь, разумѣется, православную?

— Такъ.

— Православный же Богъ, Евангельскій, раздѣляться съ Собой не можетъ. Апостоламъ Онъ сказалъ: „слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающійся васъ Меня отвергается“... (Лк. X, 16 ст.). Эти слова имѣютъ вѣчную силу. Не утратили они потому значенія и для братца Ивана. А онъ *не слушается* посланныхъ Христомъ пастырей Церкви въ лицѣ нашего Митрополита. И, значить, онъ отвергается Господа и для насъ показываетъ себя сектантомъ-раздорникомъ.

Значить, несомнѣнно, Господь не посылалъ братца Ивана учить народъ въ П-бургѣ. — И напрасно своего проповѣдника приравниваете вы къ равноапостольной Св. Нинѣ, Просвѣтительницѣ Грузіи. Между ними со стороны посланничества на благовѣстіе *нѣтъ ничего общаго*. Очевидно, вы не читали житія Св. Нины. Св. Нинѣ *дважды* во снѣ являлись Пр. Богородица и Спаситель, благословляя ее на дѣло просвѣщенія язычниковъ. Но св. жена вышла на проповѣдь въ Грузію лишь послѣ напутствія ея патріархомъ Іерусалимскимъ. — Вотъ какъ начался апостольскій подвигъ Св. Нины!

Такъ начался этотъ подвигъ. А кончился онъ

еще славнѣй. Церковь, разсмотрѣвъ „болѣзни и труды“ Св. Нины, „во благовѣстїи Христовомъ“,— признала ее равноапостольной, достойной религиознаго почитанія...

Что же знаемъ мы про вашего „родименькаго“ брата?—Во первыхъ, то, что его *никто* не посылалъ проповѣдывать петербуржцамъ, а во вторыхъ, то, что владыка Митрополитъ, освѣдомившись о „работѣ“ брата, *запретилъ* ему выступать въ положенїи проповѣдника передъ народомъ.

И, такимъ образомъ, между вашимъ братцемъ и Св. Ниной нѣтъ рѣшительно никакого *духовнаго* сходства.

Женщина вопрошательница отъ моихъ словъ пришла въ страшное возбужденіе. Она уже „оставила“ Св. Нину, въ качествѣ защитницы брата она повела противъ меня атаку съ другой стороны. она гнѣвно запросила „показать“, *за что* братцу запрещаютъ проповѣдывать?

Я отвѣчалъ:

— За то, что собранія братцевы порождаютъ соблазнъ въ православномъ народѣ.

— Какой соблазнъ?

— Очень значительный. Скажу только о томъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, „что осязали руки мои“. При самомъ началѣ моей службы въ П-бургѣ, раннимъ утромъ, мнѣ удалось побывать на одномъ изъ собраній братцевыхъ. Я слышалъ, какъ Иванъ Чуриковъ проповѣдывалъ. Онъ, напр. говорилъ: Христосъ ходилъ по водамъ...

А народъ, темный людъ, кричалъ ему: „ты „Христосъ! Ты ходишь по водамъ!..“

И, что меня особенно непріятно поразило, на эти изступленные вопли братецъ „не отозвался“. Тогда какъ ему слѣдовало *итъво* зароптать, если бы онъ не покровительствовалъ дутому мнѣнію о себѣ, какъ о чудотворцѣ и человѣкѣ необычайномъ...

Второе, что я знаю, — изъ среды ивановцевъ изошли дикія мнѣнія о нашемъ отношеніи къ голодающимъ людямъ. Этимъ голоднымъ и изможденнымъ братьямъ, съ октября прошлаго года, на моихъ бесѣдахъ христіане, въ помощь, стали собирать свои „лепты“. А люди, наслушавшіеся братца, на Петербургской сторонѣ, въ залѣ на Бол. Спасской ул., говорили:

— Не надо производить никакихъ сборовъ на голодныхъ. Богъ ихъ караетъ, а мы что же — хотимъ быть добрѣе Самого Бога? И мы должны прекратить всякіе сборы въ пользу голодающихъ...

Какъ вамъ покажется такое мнѣніе людей? Въ немъ изступленное сатанинство слышится. Эти люди не хотятъ подражать милосердному самарянину. Они запираютъ сердца свои отъ состраданія алчущимъ, жаждущимъ, и бѣдствующимъ братьямъ. И за то, если не покаются, услышатъ грозный приговоръ Божій на страшномъ судищѣ Христовомъ: *„идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный... Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня...“* (Мѡ. XXV, 41—43 ст.).

Вотъ какое демонское настроеніе обнаруживаютъ

посѣтители братцевыхъ собраній! Какъ же не соблазнительны, вы говорите, такія собранія?..

И еще одно скажу я про нихъ: люди, проникнутые духомъ брата, встаютъ противъ медицины. Они запрещаютъ единомышленникамъ своимъ лѣчиться, усматривая въ пользованіи медициной грѣхъ и не вѣріе въ силу Божию.

Я самъ слыхалъ отъ братцевыхъ учениковъ подобныя заявленія. И чудится мнѣ въ нихъ неподобающее ханжество. Чудится прямо искушеніе Господа, — видится грѣховная самонадѣянность.

Конечно, если бы мы имѣли настоящую вѣру въ Господа, намъ свободно было бы обходиться безъ лѣкарствъ: довольно намъ было бы тогда молитвенно вздохнуть передъ Господомъ, и мы были бы здоровы.

Но — велика немощь наша, а молитва слаба. Съ другой стороны, и Св. Апостолы научили насъ не пренебрегать лѣкарственными средствами. Такъ Св. Павелъ пишетъ ученику своему Тимоею: *„впредь не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23 ст.).

Это говоритъ Апостоль — чудотворецъ и великій молитвенникъ. Какъ же дерзаютъ *въ разрывъ* съ нимъ „учить“ разные братцы — люди сомнительной чистоты жизни?

И потому достойно и праведно такимъ *соблазнительнымъ* немощныхъ душъ Владыка запрещаетъ учить. Прежде чѣмъ наставлять другихъ въ разумно-благочестивой жизни, учителя эти сами должны просвѣ-

тить себя подъ началомъ пастырей, умудренныхъ наукой и благодатнымъ опытомъ своего служенія...

— Просвѣтить, да просвѣтить... Ты вотъ просвѣщенъ, а что ты сдѣлалъ для народа? съ воплемъ крѣпкимъ спрашивала нѣкая женщина.

— Я человекъ маломочный, отвѣтилъ я. Что мнѣ надо дѣлать, то я и дѣлаю. Вотъ видите, какая толпа людей сходится меня слушать? Значить, полезное для себя воспринимаютъ они на моихъ бесѣдахъ. Это одно. А другое... вотъ у всѣхъ на глазахъ то... Подъ говоръ вашихъ братцевъ о безпольности сборовъ на голодающихъ я призывалъ людей къ такимъ сборамъ. И, Богу помогающе, съ октября прошлаго года по сіе время мы собрали 1500 руб. Слава Богу и за это! Что могъ и могу, то я дѣлаю для народа...

— Ишь, нашель дѣло! загремѣлъ какой-то единомышленникъ женщины изъ толпы. Ты нищій и нищенствомъ занимаешься!..

— Пусть и такъ. Но я тогда бы плохо поступалъ, если-бы нищенствовалъ для своихъ похотей, а для нищихъ братьевъ нищенствовать — я считаю для себя великой честью...

Правъ-ли я, братцы, и сочувствуете-ли вы нашему сбору „лептъ“ на голодающихъ?

Я обратился съ этимъ вопросомъ къ народу. И въ отвѣтъ я услыхалъ то, что обрадовало меня и заставило смолкнуть моихъ возражателей:

Правы вы, дорогой нашъ проповѣдникъ! И святое это дѣло—звать людей на помощь голодающимъ.

Идите тою же дорогой дальше. Мы васъ поддержимъ!..

Смытые волною народнаго чувства, ивановцы стусевались. Я сдѣлалъ „выводы“ изъ бесѣды,—и мы торжественно заплѣли „Достойно есть...“

Д. Боголюбовъ.

Суббота для человѣка или человѣкъ для субботы ¹⁾.

Отвѣтъ данъ въ Евангеліи Спасителемъ. А такъ ли въ жизни? Не сталь-ли живой, разумный, свободный человѣкъ рабомъ условныхъ взглядовъ, инструкцій, параграфовъ, указовъ?.. Не сковано-ли изъ послѣднихъ Прокрустово ложе, въ которомъ уродуется, гибнетъ духовное творчество человѣчества? Не угашается-ли духъ?!

Идетъ борьба, переоцѣнка цѣнностей. И не только на площадяхъ изъ за хлѣба и правъ—экономическая и социальная, — но и въ высшихъ духовныхъ запросахъ. Бурный потокъ ищущей истины мысли, жаждущаго отрады чувства, клубится близъ церковныхъ стѣнъ... Снимается позолота съ старыхъ кумировъ. Мелко, тѣсно стало живому „духу“... Слышны голоса — зовутъ. Полно, говорятъ, сидѣтъ вамъ въ затворѣ. У васъ спокойно, изобиліе,—главы золотыя.. а рядомъ съ вами около заводскихъ и фабричныхъ трубъ трудно дышется; дальше голодъ; нищета, томленіе духа; идите-же скорѣе въ жизнь,

¹⁾ Въ помѣщаемыхъ наброскахъ, можетъ быть, не мало рискованныхъ положеній и мыслей, съ которыми не всякій согласится... Но эти строки намъ дороги, какъ искренній вздохъ, идущій изъ самаго сердца жизни.

освѣтите словомъ св. Евангелія всѣ изгибы чело-
вѣческой жизни, помогите...

И рвутся чуткія, проникновенныя природы на
дѣло Божіе. Онѣ готовы на жертвы; готовы посту-
питься условнымъ, временнымъ, лишь бы св. Еван-
геліе воцарилось въ жизни.

А есть и не чуткіе и не проникновенные. И та-
кихъ много и такіе сильны. Это люди освѣщенные на
Вальсимонѣ и Зонарѣ, инертные. Ихъ давить прессъ
вѣковыхъ наслоеній. Они не въ силахъ въ немъ
разобраться. Чувствуютъ, что душно, и боятся освѣ-
житься. А борьба въ разгарѣ. Жизнь не ждетъ.
Потокъ можетъ прорваться на другія русла.

И опять томятся рядовые труднички нивы Хри-
стовой... Есть благіе порывы, но свершить то ихъ
не дано...

Въ хирургіи только тѣмъ и спасаются, что боль-
ной и зловоредный наростъ, не теряя времени, вы-
рѣзаютъ.

А мы не такъ. Намъ указываютъ на какой ни-
будь пятостепеннаго значенія недостатокъ, соблаз-
няющій, отталкивающій, — мы, вмѣсто того чтобы
сразу-же устранить его, поднимаемъ цѣлую лите-
ратуру объ немъ и заявляемъ: „нѣтъ нельзя, корни
глубоко пущены, подождемъ собора, консиліума“, а
такъ какъ время созыва послѣдняго покрыто не-
извѣстностью, то смущающіеся имъ безнадежно
уходятъ и уходятъ — рѣдѣютъ молящіеся.

Хочется другой разъ уступить жизни, сознаешь
ясно необходимость этого, а въ концѣ концовъ „не
еже бо хощу доброе творю, но еже не хощу — сіе
содѣваю“.

Ничтожныя по существу, но характерныя ил-
люстраціи.

Въ началѣ года ликвидируется истекшій. Пишутъ

отчеты, строчать рапорты. Полученные за годъ журналы собираются по №№, перевязываются, нѣкоторые любители даже печать прилѣпляютъ къ веревочкѣ и несутъ въ церковь искать для нихъ мѣстечка. По традиціи собралъ и я. Пошелъ въ церковь. Шкапъ полонъ. Пошелъ на колокольню,—смотрю тамъ, гдѣ только можно, вездѣ сунуты связки. И взяло меня раздумье. Есть журналы, въ которыхъ много назидательнаго чтенія для народа. И есть любители почти въ каждой деревнѣ чтенія, прочтуть и другимъ даютъ. Книжка пользу приноситъ, даетъ 0%. Въ „Отдыхъ Христіанина“, въ „Воскресномъ Благовѣстѣ“ многими статьями интересуются. А они лежатъ на колокольнѣ, въ пыли, — мыши грызутъ. Деньги-же на нихъ потрачены народныя. Зачѣмъ-же я ихъ прячу и даю такое несоотвѣтствующее книгѣ назначеніе?

Я ихъ раздамъ народу, по семьямъ; пусть они плодъ приносятъ. Если книгъ немного, какъ-то не пріохочивается народъ ходить за ними, мѣнять: то некогда, то книги отданы другому. А такъ проще и надежнѣе. Въ каждой деревнѣ будутъ книжки. Можетъ быть обмѣнъ.

Ну, вотъ,—вѣдь несомнѣнно такъ справедливѣе, полезнѣе, чѣмъ по старому „Отдыхъ Христіанина“ будетъ покоиться на изгибахъ лѣстницы. Сомнѣнія нѣтъ.

А вдругъ начальство при ревизіи попроситъ показать бібліотеку и старые журналы, — „гдѣ они“, спроситъ. „Отчего они у васъ не внесены въ каталогъ?“

Какое вы право имѣли безъ разрѣшенія отдать на руки? И полѣзли въ голову эти мрачныя, тяжелые вопросы; на ихъ сторонѣ сила, и раболѣпныя руки съ душевнымъ волненіемъ приложили еще связку къ прежнимъ.

Встрѣчаю на обратномъ пути умнаго мужичка, члена приходскаго совѣта. Дѣлюсь съ нимъ своимъ раздумьемъ. „Нѣтъ, батюшка, говоритъ, по моему по мужицкому надо народу раздать книжки. Пусть православные читаютъ. Видишь, народъ-то въ борьбѣ звѣрѣеть, а это смягчить будетъ. А начальство Питерское по моему тутъ не причемъ, вѣдь мы имъ дали, что нужно, на епархіальныя нужды, а остальное на наши нужды пусть идетъ. Неужели мы 5 рублями, которые заплачены за журналъ, не можемъ сами распорядиться? Вѣдь, я думаю, они и сами поймутъ это“...

Вѣрно, другъ, все это вѣрно,—а всетаки какъ-то боязно,—а вдругъ?

* * *

Свадебный сезонъ. Мясоѣдъ. Свадьбы. Много горя, грубости, нехорошаго въ крестьянской семейной жизни. Нужно много работы, много усилія къ облагораживанію нравовъ. Право, иногда сердечно молишься, чтобы Господь умиротворилъ жизнь брачующихся,—оттѣняешь наиболѣе удачныя мѣста въ молитвахъ. И страшно другой разъ хочется прочесть другое Евангеліе, хотя-бы отъ Іоанна изъ послѣдней бесѣды Спасителя съ учениками, гдѣ Онъ такъ настойчиво говорилъ о любви. Объ этомъ и нужно напомнить брачующимся. Положенное Евангеліе мало соотвѣтствуетъ сущности таинства. Оно характерно какъ 1-ое чудо, какъ проявленіе всемогущества Божія, но для брачующихся не назидательно. Читаешь слова архитриклина къ жениху и думаешь, вотъ потомъ невоздержные на языкъ, пьяненькіе гости будутъ требовать вина, и сошлются на читанное.

Св. Ап. Павелъ сказалъ, что если брашно соблазняетъ брата моего, то я не буду его ѣсть во вѣки.

Немощные люди злоупотребляют брачнымъ Евангелиемъ,—такъ неужели я согрѣшу, сдѣлаю преступленіе, если прочту другое зачало изъ Евангелія, болѣе приличествующее тайнѣ брака по содержанію. Вѣдь я тутъ никакихъ канонѣвъ не нарушу.

И опять также при всякомъ порывѣ идутъ другія, тяжелыя, гнетущія мысли. Злой человѣкъ донесъ... Въ результатѣ запросъ—на какомъ основаніи? Игнорированіе требника! Вольнодумство и проч. И все чаще начинаешь задумываться надъ своей работой. Служишь не тому Богу, Котораго чтишь.

А такихъ случаевъ въ нашемъ служеніи сотни, ими мучаются. Они ждутъ, давно ждутъ своей очереди, когда они сдѣлаются предметомъ обсужденія на благочинническихъ собраніяхъ духовенства, не одного, двухъ, а всѣхъ и потомъ выльются общимъ голосомъ предъ епархіальною властью. Вѣдь должно-же когда нибудь человѣку стать выше субботы.

Священникъ *Николай Молмановъ*.

Извѣстія и замѣтки.

О православіи. Въ періодической печати все чаще и чаще приходится встрѣчаться съ массой упрековъ по адресу нашего „исконнаго православія“. Не мало людей, даже высокообразованныхъ, считаетъ православіе однимъ изъ главныхъ тормазовъ въ развитіи нашей исторической жизни. Въ виду этого считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о православіи нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева.

„Предположимъ, говоритъ С. М., что вмѣсто православія былъ бы въ Россіи католицизмъ; конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало только православіе, а именно,—только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 г. и

ополячить московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, если бы вся восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели мы будемъ сѣтовать за это на православіе? Относительно настоящаго я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его великую, будто бы, историческую роль и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло,—я спрошу у этихъ господъ:—Вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круглый годъ не заглядываете въ церковь—и кто васъ за это тревожитъ? Знаете ли вы вашего приходскаго священника, и знаетъ ли васъ этотъ священникъ? Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволилъ бы вамъ такъ спокойно вольнодумничать, такъ спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самага злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить къ себѣ въ церковь и на исповѣдь; если въ православіи правительство имѣетъ орудіе тупое, въ католицизмѣ оно имѣло бы острое. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдующихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ... Движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ практическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остановиться на серединѣ, избѣжать крайностей,—всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря уже объ исторической и догматической неправдѣ папизма, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія, то, во первыхъ, оно не имѣетъ того характера безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія и нисколько нигдѣ не стѣснить народныхъ движеній, ибо сживается со всякими прави-

тельственными формами. Православіе отражаетъ теперь на себѣ всю черную форму настоящаго состоянія русскаго общества; оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами; при перемѣнѣ къ лучшему, на немъ отразится эта перемѣна, оно не помѣшаетъ ей; теперь оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами, тогда будетъ радоваться и будетъ довольно вмѣстѣ съ нами; это—нашъ вѣрный спутникъ, не будемъ же отъ него отнимать руки нашей“¹⁾).

Это краткое, мѣткое и точное опредѣленіе существенныхъ сторонъ православія особенно благовременно припомнить теперь, въ самый разгаръ борьбы политическихъ партій.

Лѣвыя партіи относятся къ православію и вообще къ религіи въ большинствѣ случаевъ отрицательно; правыя партіи „православіе“ выставили, какъ свой девизъ. „Мы не разъ высказывали,—пишетъ о православіи правыхъ „Церковный Вѣстникъ“,—что люди партіи, выставившей на своемъ знамени девизъ „православіе“, въ массѣ преслѣдуютъ классовые политико-экономическіе интересы, лишены глубокаго и искренняго религіознаго чувства и въ дѣйствительности пользуются религіей, своеобразно притомъ понимаемой, какъ средствомъ въ своей ожесточенной борьбѣ противъ исканія всякаго рода „униженными и оскорбленными“ тѣхъ правъ, которыя утверждаются и признаются прежде всего именно христіанствомъ и вопросъ о которыхъ особенно рѣшительно и ясно поставленъ былъ также именно христіанствомъ. Мы не разъ высказывали также, что если есть въ средѣ этой партіи люди болѣе или менѣе искренніе и дѣйствительно религіозные, то и они сдѣлали себѣ фетишъ изъ изжитой традиціи и подавлены страхомъ предъ запросами живой жизни. Сужденія и дѣйствія защитниковъ, если такъ можно выразиться, политико-экономическаго „православія“, т. е. вѣры съ непремѣнными извѣстными экономическими и политическими придатками, въ настоящее время съ особенною ясностью показываютъ, что мы были правы. Для такихъ людей, дѣйствительно, не существуетъ православія, какъ вѣры, господствующей надъ всѣми другими интересами человѣка и безусловно обязывающей послѣдняго къ исполненію ея моральныхъ велѣній при всякихъ обстоятельствахъ,—какъ тогда,

¹⁾ См. Рос. № 389.

когда они несутъ выгоду, такъ еще болѣе тогда, когда требуютъ жертвъ, какъ тогда, когда человѣкъ вступаетъ въ отношенія съ другомъ, такъ и еще болѣе тогда, когда ему приходится имѣть дѣло съ недругомъ (МѠ. VI, 46—47).

Мы не станемъ говорить о причастности людей этой партіи къ погромамъ и политическимъ убійствамъ въ виду того, что *ex cathedra* они сами не находятъ возможнымъ оправдывать то и другое. Не станемъ указывать и на человѣко-ненавистническія произведенія іеромонаха Иліодора, несомнѣнно потерявшаго психическое равновѣсіе: съ ними скорѣе надо считаться психіатру, чѣмъ психологу и публицисту, хотя, быть можетъ, много пройдетъ времени, пока это будетъ всѣми признано, подобно тому, какъ очень поздно нашла свою надлежащую оцѣнку дѣятельность подобнаго „патріота“ и защитника православія В. И. Аскоченскаго, подвизавшагося на литературномъ поприщѣ приблизительно въ срединѣ прошлаго вѣка и трагически закончившаго свою жизнь. Мы позволимъ себѣ сослаться вообще на антихристіанскую проповѣдь органовъ правой печати и крайнюю неспособность ихъ работниковъ религіозно воспринимать жизнь и религіозно, значить, въ самой конечной глубинѣ—постигать идеи справедливости и правды вообще. Эта проповѣдь ясно свидѣтельствуетъ, что въ душѣ ея авторовъ подлинно христіанскаго религіознаго чувства нѣтъ, а есть только пережитки естественнаго ветхаго человѣка, язычески-эгоистическаго, жестокаго, нетерпимаго и совсѣмъ не тронутаго умягчающимъ Евангеліемъ любви. Укажемъ также и на рѣчи нѣкоторыхъ думскихъ ораторовъ крайней партіи. Въ нихъ просвѣчивается столько высокомерія и эгоизма, столько изливается желчи сердца, обиженнаго посягательствомъ на его коротенькіе, матеріальные, мѣщанскіе интересы, что они начинаютъ смущать своей излишней откровенностью даже и нѣкоторыхъ сторонниковъ той же партіи, считающихъ необходимымъ соблюдать извѣстный декорумъ въ выраженіи своихъ пожеланій.

Но представители партіи „православной политики“ пошли еще дальше. Наименѣе сдержанные и дипломатичные изъ нихъ теперь начинаютъ сами даже вскрывать истинную природу своихъ отношеній къ православію глумленіемъ надъ нимъ, разумѣется незамѣтнымъ для себя и въ увлеченіи.

Психологически это понятно и даже неизбежно, но все же неожиданно съ точки зрѣнія „дипломатіи“, въ которой такъ изощрились охранители.

Мы имѣемъ въ виду прежде всего „Ново-Временскую“ сатиру, гдѣ выведенъ „Попъ толоконный лобъ“, очевидно, осмѣивающую рѣчи священниковъ Колокольниковъ и Тихвинскаго, произнесенныя ими въ Государственной Думѣ.

Рѣчи эти (о смертной казни и по аграрному вопросу) можно какъ угодно обсуждать съ политической точки зрѣнія, но несомнѣнно, что съ Евангеліемъ онѣ не расходятся. Этого было, разумѣется, достаточно, чтобы правые органы остались недовольны ими, но свое неудовольствіе они выражаютъ не на почвѣ тѣхъ общихъ политическихъ или экономическихъ принциповъ, которые такъ имъ дороги, а въ связи со своимъ подлиннымъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ православію вообще.

Охранительное „Новое Время“ въ своей пошленькой статейкѣ, гдѣ фигурируетъ „Попъ толоконный лобъ“, плоско осмѣиваетъ не однихъ только неприятныхъ ему рясофорныхъ думскихъ ораторовъ, но и все духовенство вообще, его манеру проповѣди и самое отношеніе къ Евангелію. Издѣвательство сквозитъ не только во всемъ тонѣ пасквиля, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ — въ родѣ того, что „на то и попъ, чтобы вратъ“ и т. п. На наше духовенство, конечно, могутъ смотрѣть какъ угодно, но глумленіе надъ нимъ во всякомъ случаѣ непримиримо съ дѣйствительнымъ уваженіемъ къ православію. И интересно: діалогъ, въ которомъ осмѣивается „попъ толоконный лобъ“, былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ органомъ, выдающимъ себя за „церковный“, „Колоколомъ“, который цѣликомъ помѣстилъ его у себя, какъ „остроумное“ произведеніе и, такимъ образомъ, пустилъ его гулять по свѣту и подъ церковнымъ штемпелемъ. Наивно, но искренно! Пусть черносотенное духовенство утѣшается, какъ ругаютъ, либеральныхъ отцовъ“ за выступленіе противъ правыхъ! Хотя логики тутъ мало, такъ какъ кличка „попъ толоконный лобъ“ избрѣтена собственно по адресу той части духовенства, которая не признаетъ народныхъ интересовъ и не хочетъ считаться съ ними, слѣдовательно — какъ разъ тѣхъ, кого „Колоколъ“ хочетъ забавлять нововременскимъ пасквилемъ.

Еще примѣръ истиннаго уваженія правыхъ къ защищаемому ими православію: „Русскому Знамени“, органу „наиправославнѣйшихъ“ русскихъ людей, понадобилось для разнообразія и оживленія вниманія къ себѣ высмѣять „жидовъ“ съ религіозной стороны, и оно помѣщаетъ у себя (№ 60) стихотвореніе „Китъ и жидъ“, въ которомъ дерзко вышучивается исторія пророка Іоны, почитаемаго и православными христіанами. Профанація священной исторіи можетъ быть обидной для вѣрующаго христіанина, но „Русское Знамя“, очевидно, увѣрено, что это непріятное чувство будетъ съ избыткомъ покрыто тѣмъ удовольствіемъ, какое доставитъ читателямъ главная идея стихотворенія и раскрывающійся въ немъ одинъ изъ главныхъ предметовъ заботы этого органа—всяческое униженіе „жида“. Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія редакціи „Русскаго Знамени“, у всѣхъ, кто у нея, безусловные религіозные интересы подчинены условнымъ и даже сомнительнымъ политико-экономическимъ цѣностямъ.

Рѣчи нѣкоторыхъ правыхъ думскихъ ораторовъ также пестрятъ религіозными терминами, употребляемыми чрезвычайно легкомысленно. Укажемъ для примѣра покаянiе въ „грѣхахъ“ гр. Стенбока-Фермора. А депутатъ Пуришкевичъ прочиталъ съ трибуны молитву св. Ефрема Сирина единственно, нужно думать, за тѣмъ, чтобы провозгласить религіозное чувство, такъ какъ молитва эта мало подходитъ къ его психологіи, насколько она обнаружилась въ его общественной дѣятельности, и смѣхъ въ Думѣ былъ вызванъ именно этимъ контрастомъ между глубокимъ сокрушеніемъ и смиреніемъ автора молитвы и самомнѣніемъ и безшабашной, болѣе того — дерзкой, развязностью г. Пуришкевича.

Однако, отмѣченные лица не рѣшаются, по крайней мѣрѣ прямо, унижать „православіе“ и посягать на его содержаніе. Дальше ихъ пошелъ знаменитый нововременскій охранитель М. Меншиковъ.

Что бы охранители ни говорили о религіозныхъ принципахъ своей политической программы, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что религіозно оправдать ее нельзя; наши священныя книги, особенно пророческія, ясно и рѣшительно говорятъ противъ той исключительности и того эгоизма, какой лежитъ въ основѣ ихъ программы. И вотъ, чтобы согласіе программы охранителей съ „пра-

вославіемъ“ было виднѣе, г. Меньшиковъ прибѣгаетъ къ самому радикальному средству: вычеркиваетъ книги пророковъ изъ канона, обезцѣнивая ихъ и оставляя силу только за одними апостольскими писаніями, въ которыхъ не содержится такихъ рѣзкихъ прещеній и угрозъ по адресу притѣснителей богачей и князей и всякихъ нарушителей народныхъ правъ, какъ у пророковъ. Вотъ его точка зрѣнія на пророковъ. „Это, пишетъ г. Меньшиковъ, менѣе вѣроучители, чѣмъ политическіе борцы, менѣе цензоры нравовъ, чѣмъ социальныя реформаторы. Революціонная метода ихъ выражается не только въ жестокой, подчасъ инквизиторской сатирѣ, въ обличеніяхъ, близкихъ нерѣдко къ клеветѣ, но и въ боевой дѣятельности этого сословія. Пророки были не чужды насилія, наоборотъ: они были возбуждателями битвъ и нерѣдко палачами казней“. Пророки, по словамъ г. Меньшикова, и погубили Израиля. Они привили еврейству чувство остраго недовольства судьбой, чувство ненависти къ тогдашнему политическому и социальному быту, страстную мечтательность. Выводъ отсюда дѣлается такой, что принципы пророковъ неприложимы у насъ и что если подобные пророки будутъ дѣйствовать въ Россіи, мы неизбѣжно погибнемъ.

Послѣ такихъ политическихъ „разъясненій Священнаго Писанія“ г. Меньшикова, остается ждать, что найдутся новые „разъяснители“, которые выбросятъ изъ Евангелія нагорную проповѣдь на томъ основаніи, что любовь предполагаетъ уступки, а дѣлать уступки значитъ ронять власть и подкапывать государственныя устои, слѣдовательно — вести государство къ крушенію; найдутся, пожалуй, и такіе разъяснители, которые выбросятъ и все ученіе Христа о царствѣ Божіемъ, потому что преимущественная забота о правдѣ и интересахъ духа ведетъ къ пренебреженію матеріальными интересами, а пренебреженіе къ этимъ интересамъ, особенно со стороны крупныхъ собственниковъ земли и капитала, также, какъ извѣстно изъ думскихъ рѣчей, роковымъ образомъ ведетъ государство къ разрушенію. По крайней мѣрѣ, принципъ послѣдовательности заставляетъ ждать, что такіе политическіе „разъяснители“ Св. Писанія въ правомъ лагерѣ не замедлятъ выступить на страницахъ какого-либо праваго органа при сочувственной поддержкѣ родственныхъ органовъ.

Но это все—слова, статьи и рѣчи. Позволимъ себѣ отмѣтить и дѣйствія представителей „политическаго православія“ для характеристики ихъ религіозности. Свѣдѣнія заимствуемъ изъ источника, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію — телеграммы Саратовскаго Епископа Гермогена на имя Царицынскаго полиціймейстера по поводу требованія отдѣла устроить крестный ходъ (Рѣчь № 73). Въ этой телеграммѣ Преосвященный Гермогенъ говоритъ о непрестанныхъ самыхъ грубыхъ, оскорбительныхъ и чисто боевыхъ выходкахъ Царицынскаго отдѣла союза русскаго народа противъ всего Царицынскаго духовенства; общій характеръ отношеній отдѣла къ Церкви и духовенству Преосвященный, котораго отнюдь нельзя подозрѣвать въ сочувствіи лѣвымъ, находитъ такимъ, что ему требованіе устроить крестный ходъ представляется даже „кошунственнымъ“. Въ корректности отдѣла по отношенію къ духовенству Епископъ настолько не увѣренъ, что въ заключеніе проситъ даже полиціймейстера принять мѣры противъ насильственнаго и грубаго захвата союзниками церковной аудиторіи.

Не ясно ли послѣ всего этого, что „православіе“ для многихъ правыхъ только маска, что многіе принимаютъ его только изъ-за сомнительныхъ политико-экономическихъ цѣнностей, случайно и вопреки правдѣ спаянныхъ съ нимъ въ исторіи, что подлиннаго чистаго православія, какъ факта религіознаго, стоящаго выше партій, они не признаютъ и не хотятъ признать и что, наконецъ, эти мнимые защитники православія въ дѣйствительности его злѣйшіе враги, такъ какъ они подъ видомъ православія въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ выдаютъ то, что не имѣетъ съ нимъ ничего общаго и—не жизнь приспособляютъ къ ученію православія, а самое православіе приспособляютъ къ жизни, обращаясь съ нимъ, какъ съ заурядной человѣческой доктриной! ¹⁾.

¹⁾ Цер. П. № 15, 1907 г.

Редакторъ Священникъ *Петръ Миртовъ*.

Разрѣшено протоіереемъ *Философомъ Орнатскимъ*.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой, Галерная, 6.